ГЛАВА 19. ЕГО ЗАТМИЛИ

— Лю, что это с мальчишкой? — с недоумением спросил Лэнс.

Последние десять дней рвение, с которым Ли Сычэнь отдавался работе, попросту поражало. Если дубль не удавался, он просил ещё попытку. Если и это не помогало, он уходил в сторону и репетировал в одиночку или замирал, вперив немигающий взгляд в сценарий.

— Он борется. С самим собой и со мной, — ответил Лю Шаньчэнь. Он сидел, закинув ногу на ногу и скрестив руки на груди, расслабленно откинувшись на спинку стула.

— С тобой? — Лэнс удивился ещё сильнее. — Это ещё зачем? Ты что-то ему сделал? Лю, послушай, даже если ты совсем изголодался по вниманию, не стоит переключаться на детей. К тому же — на мальчиков.

Услышав этот нелепый комментарий, Лю Шаньчэнь нахмурился и тяжело посмотрел на друга.

— Глядя на то, как работают твои мозги, я поражаюсь, как ты вообще умудрился достичь своих высот.

— Эй, Лю, мы ведь старые друзья, как ты можешь так говорить?

Лю Шаньчэнь не ответил. Его взгляд скользнул в сторону.

— Лэнс, твоя очередь. Заодно и проверишь, чего он добился, занимаясь эти дни в одиночку.

— Ладно-ладно, иду. Знаешь, мне бы очень хотелось увидеть тот день, когда ты наконец сорвёшь эту маску, которую носишь годами. Это будет чертовски интересное зрелище, — внезапно бросил Лэнс.

Лю Шаньчэнь резко вскинул голову. На мгновение он сверкнул опасным взглядом, но тут же вновь стал привычно спокойным.

— Ты слишком много воображаешь. Это моё истинное лицо. Впрочем, если не веришь, мне нечего добавить.

Лэнс признал про себя, что на долю секунды по-настоящему струхнул, встретив этот взгляд. Мимолётная вспышка во взгляде друга подтвердила его подозрения: Лю Шаньчэнь вовсе не так прост и покладист, каким хочет казаться. Под кожей этого мягкого и вежливого человека прячется хищный волк, которого ещё никто не видел. Даже роль, написанная специально для Лю, раскрывала лишь верхушку этого айсберга.

— Верю, почему бы не поверить, — Лэнс вдруг усмехнулся. — Не волнуйся, раз уж он тебе так дорог, я подыграю как надо. Заодно и поглядим, каков его потенциал на самом деле.

Под «ним» Лэнс, разумеется, имел в виду Ли Сычэня.

— Лэнс, живее сюда!

— Иду, режиссёр! — С широкой улыбкой Лэнс направился к Бенсону.

В эту секунду он выглядел истинным джентльменом. Его движения, походка, неосознанные жесты и даже мимика были безупречны. Казалось, он был даже большим аристократом, чем его персонаж — древний вампир. Это было его врождённое качество.

Лю Шаньчэнь, наблюдая за ним, слегка нахмурился, но остался сидеть, не выказав ни малейшего намерения вмешаться.

— Господин Лэнс, — Ли Сычэнь встретил партнёра робкой, но искренней улыбкой.

В сегодняшней сцене ему предстояло говорить с персонажем Лэнса как с ровесником, пытаясь вразумить его. — Я приложу все силы.

Это было не просто обещание, а его самое сокровенное желание. Даже если он не сможет сыграть идеально, он выложится без остатка.

— Это похвально, — Лэнс едва уловимо, почти демонически усмехнулся, как и его герой. — Надеюсь, ты меня не разочаруешь, малыш. Я многого от тебя жду.

С этими словами он слегка ущипнул Ли Сычэня за щеку.

Сегодня Лэнс был другим. Если раньше он казался всем открытым и дружелюбным, то сейчас от него исходило давящее величие. Рядом с ним становилось трудно дышать — так простолюдины чувствуют себя перед лицом истинного правителя.

Ли Сычэнь заставил себя поднять голову. Он всё ещё боялся, но разум одержал верх. Он выдержал взгляд Лэнса. Сычэнь до этого мало общался с людьми: его жизнь за пределами дома началась всего пару месяцев назад, когда он стал бегать по массовкам. Большинство его знакомых были самыми обычными людьми. Он впервые столкнулся с кем-то, кто мог подавлять одной лишь аурой. Но, как говорится, «не знающий — не боится», и в этот момент в нём взыграло упрямство.

— Карлос, сценарий помнишь?

— Помню, режиссёр.

— Хорошо. Сначала репетиция. Лэнс, подыграй ему.

— Разумеется, господин режиссёр. Буду само очарование.

Лэнс мгновенно сбросил маску важности и снова превратился в беззаботного остряка.

«Потрясающе», — тихо прошептал Ли Сычэнь.

Способность в одно мгновение менять атмосферу вокруг себя, превращаясь в совершенно иного человека, была ему пока недоступна. Но этот пример лишь укрепил его в мысли, что трудиться нужно ещё усерднее.

Действие происходило под проливным дождём. По сюжету Сычэнь должен был стоять под ливнем и убеждать Лэнса. У его героя по сценарию был врождённый порок сердца, и в таких тяжёлых условиях его физическое состояние должно было отличаться от нормального.

К счастью, пока шла только репетиция, и воду не включали.

Бенсон решил провести прогон без воды, понимая, что если во время официальных съёмок пойдут бесконечные дубли, актёры могут просто не выдержать. Стояла глубокая осень, и ледяной душ не сулил ничего хорошего.

Во время репетиции оба сыграли на удивление хорошо. Присутствующие даже пожалели, что камеры не были включены. Но время вспять не повернуть. Как только все службы доложили о готовности, началась основная работа.

Спецтехника в воздухе начала распылять воду, создавая эффект плотной стены дождя.

Всем казалось, что сцена будет снята с первого раза. И только Ли Сычэнь чувствовал, что всё не так просто. Сейчас Лэнс вёл себя совершенно иначе. Его аура, его положение в кадре — всё изменилось.

Сычэнь поджал губы, глядя на партнёра. Из-за того, как Лэнс встал, Сычэнь понял: когда отснятый материал пойдёт в монтаж, большая часть его тела окажется скрыта за спиной Лэнса. С какого угла ни посмотри, партнёр его перекрывал.

Как только прозвучало «Action!», Ли Сычэнь сделал небольшой шаг в сторону. Съёмка уже шла, и если бы он попытался сместиться следом без веской причины, это бы заметили. Если Лэнс не сможет двигаться, значит, он больше не будет загораживать Сычэня в кадре.

Лэнс, стоявший напротив, в этот миг улыбнулся. Но улыбка предназначалась не камере, а самому Сычэню. Если мальчишка думает, что отсутствие физической преграды спасёт его от того, что у него украдут сцену, то он слишком наивен.

Мощные промышленные вентиляторы раздували полы плаща Лэнса. Даже под тяжестью воды ткань взмывала высоко, едва ли не параллельно земле. Потоки дождя скользили по ней, разбиваясь в мириады брызг. Это выглядело невероятно эффектно, создавая монументальный образ, от которого оператор просто не мог отвести объектив.

— Убивать — это зло. Ты не должен так поступать.

Раздался чистый, по-детски звонкий, но серьёзный голос.

В тот момент, когда оператор уже собирался перевести камеру на Ли Сычэня, Лэнс выдал такую гримасу, что рука оператора замерла. Желание уйти с этого лица пропало. Он смотрел так, словно его глаза вот-вот нальются кровью. Его лицо, полное бесконечного презрения и первобытной жестокости, заставляло сердца зрителей сжиматься. В эту секунду все невольно начали переживать за жизнь того, кто посмел бросить ему вызов.

Чтобы не упустить ни одной микроэмоции Лэнса и при этом оставить в кадре обоих, камеру пришлось отодвинуть. Но из-за пелены дождя лица актёров на общем плане стали менее чёткими. Оператор, скрепя сердце, снова приблизил объектив. Теперь Ли Сычэнь формально был в кадре, но всё внимание, всё пространство картинки безраздельно принадлежало Лэнсу.

Под прицелом камер Лэнс медленно высунул язык, облизывая острый клык. Этот длинный хищный зуб в свете софитов казался острее бритвы и выглядел по-настоящему пугающе. Это был клык убийцы.

— Весь этот мир принадлежит мне, — Лэнс внезапно вскинул руку, указывая пальцем на Сычэня. Его жест, направленный чуть сверху вниз, без лишних слов подчёркивал ничтожность его собеседника. — По какому праву ты смеешь меня судить?

— Этот мир принадлежит всем, а не тебе одному. Если ты не остановишься, настанет день, когда ты об этом пожалеешь. Обязательно пожалеешь.

Ли Сычэнь был полностью погружён в роль. В актёрском мастерстве он был не искушён и не понимал тонких хитростей, которые использовал Лэнс. Он не видел подтекста в его жестах. В этом раунде Сычэнь потерпел сокрушительное поражение, даже не осознав этого.

— «Все» — это тоже часть меня. Отдай мне свою кровь, — Лэнс вдруг взял Сычэня за подбородок, коснувшись пальцами его шеи. Наконец-то они оба идеально вписались в один кадр. Их лица были видны отчётливо, но любой зритель смотрел бы только на Лэнса. До самого конца он удерживал внимание на себе железной хваткой. — Я дам тебе вечную жизнь и высшую славу. Мы будем править этим миром вместе.

— Я…

— Стоп!

Режиссёр наконец оторвался от монитора и посмотрел на Ли Сычэня.

— Карлос, сегодня ты сыграл очень слабо. Вернись и хорошенько подумай над этим.

Сказав это, он бросил сердитый взгляд на Лэнса. Нельзя было сказать, что игра мальчика была плохой сама по себе — просто он сегодня «перетянул одеяло» на себя слишком агрессивно. Бенсон понимал: если продолжать, Лэнс и не подумает сбавлять обороты.

— Режиссёр, почему? — Ли Сычэнь замер в растерянности. Он был уверен, что справился, что сыграл даже лучше, чем на репетиции. И всё же Бенсон был недоволен. Но Сычэнь не стал спорить. — Господин режиссёр, могу я взять запись этого дубля, чтобы пересмотреть её дома?

Если мастер сказал, что плохо — значит, так и есть. Проблема существует, и её нужно найти. В такие моменты Ли Сычэнь никогда не искал виноватых на стороне.

— Хорошо, возьми, — режиссёр посмотрел на него и кивнул. — На сегодня всё. Всем отдыхать. Завтра смена начнётся раньше.

— Есть, господин режиссёр!

http://bllate.org/book/17536/1704956